У меня есть друг детства, с которым я никогда не встречалась. Я никогда не видела его лица. Я никогда не слышала его голос. Я даже никогда не дотрагивалась до него. Несмотря на это, он очень дорог мне. При мысли о нем на душе разливается тепло. Он - мое спасение.

Он не существует. А если точнее, он существует только в моей фантазии. Он - лишь успокоительная иллюзия, которую создал мой страдающий от нехватки кислорода мозг длинными бессонными ночами. Однако, эта иллюзия медленно, но верно начала приобретать вполне реальные черты и стала незаменимым другом для меня.

У него нет имени. Если я дам ему имя, станет ещё очевиднее, что он не реален. Я называю его просто "он". Он - тот, кто понимал меня, мой единственный друг детства и мой герой.

В выдуманном мире, где он существовал, я была счастлива.

И несчастна без него в реальности.

С самого детства реальность душила меня. И сейчас это не метафора. Да, она была местом, которое душило морально, но гораздо раньше у меня начались настоящие проблемы с дыханием. Я буквально не могла дышать. Реальность заставляла мою грудь разрываться от душевной боли, но перед этим я испытывала боль физическую. Я буквально ощущала, что моя грудная клетка вот--вот может разорваться.

Дыхание перехватило. Одышка. Задыхаюсь. Каждый хоть раз произносил эти слова, но сколько из них действительно пережили то чувство, когда дыхание почти прекращается? Люди дышат неосознанно. Они продолжают дышать даже во сне. Если вы живёте нормальной здоровой жизнью, то вряд-ли когда-нибудь по-настоящему рискуете задохнуться.

В то время я была вынуждена серьезно относится к дыханию. Большую часть дня я думала о нем. Как опытный фотограф может определить уровень освещенности на месте, также и я могла оценить количество кислорода в воздухе. Никто не ощущает присутствие кислорода, но для меня он был вполне осязаем. И когда наступало время, когда большинство людей просто спали, все мои чувства были сфокусированы на дыхании. Высунув длинную трубку в темень за окном, как аквалангист свой шноркель, я всю ночь напролет пыталась загнать в свои легкие свежий воздух.

В наше время с технологиями, вроде крохотных нанороботов, способных внедрить в память вымышленные воспоминания, бытует мнение, что астма - это не такое уж крайне серьезное заболевание. И это правда. Вы можете жить нормальной жизнью, как большинство, если она протекает не в самой тяжёлой форме и если вы обладаете нужными знаниями, чтобы контролировать ее.

Проблема была в том, что мои родители не обладали необходимыми знаниями. Они воспринимали ее как " болезнь, от которой время от времени начинают кашлять без остановки." Эти два человека, у которых не было даже аллергии на пыль, никогда не смогли бы понять то чувство, когда прерывается дыхание от бронхоспазма.

Нет, наверное, корень проблемы таился в чем-то другом. Даже не недостаток опыта или знаний, или любви не давалиим понять, а примитивный уровень воображения. Они совершенно не имели понятия о "взаимопонимании". Они могли позволить людям стать ближе к себе, но никогда не раскрывались им сами.

Они постоянно втискивали себя в свои крошечные рамки.

Хуже того, у них было необоснованное недоверие ко всему технологическому.* Таких людей можно встретить в любое время. Людей с прямолинейными мыслительными процессами, которые видят только ценность всего "естественного". Они искренне верили в бредовые утверждения, которые можно прочесть в сомнительных книгах. Например, "если пойдете в больницу, то можете чем-то заразиться". " Медицина вредит вашему здоровью." "Лекарства сокращают вашу продолжительность жизни." "Все болезни - это лишь сложные схемы, разработанные врачами." Мои ролители были твердо убеждены во всем этом. Я думаю, это была их болезнь.

По их мнению, только то, что сотворено с начала времен Богом, было хорошим, а все остальное было порождением зла. Замученная этим их вероисповеданием, я просто приняла его от безысходности. Если вкратце: презирай все, что есть и люби то, чего нет.

Тогда "он" и родился.

Я помню долгие темные ночи.

Тогда я боялась наступления ночи. Я и сейчас боюсь, но уже по иной причине. Я не могу сказать, какая из них хуже, потому что они обе наихудшие. В страданиях не может быть ни лучшего, ни худшего. Однако, если страдала я все время от одного и того же, то в детстве, наверное, мое отчаяние было намного глубже из-за нежного юного сердца.

Когда день подходил к концу и я забиралась в постель, мое дыхание начинало сбиваться. Сперва был лёгкий кашель. Так страдания стучались ко мне в дверь. Если это происходило, то уже было бесполезно пытаться уснуть. Кашель непрерывно усиливался, достигал своего апогея к двум ночи и продолжался до самого утра. Как-будто мое тело пыталось не дать мне уснуть.

Лёжа на спине было трудно дышать, поэтому я садилась и обхватывала скрученное одеяло, словно обнимая его. Затем мое тело постепенно склонялось вперед, и в конце концов я оказывалась на полу, свернувшись в клубок. Если бы кто-то увидел меня в тот момент, то мог бы подумать, что я вымаливала прощение. Или, должно быть, это выглядело так, словно я хотела вернуться в младенчество, в котором не знала страданий. И то и другое было далеко от правды. Просто эта поза была более удобной.

Самым ярким симптомом был конечно же кашель, но не он был основной причиной моих страданий. Тем, что действительно мучило меня ночами, были проблемы с дыханием. Самые простейшие движения, которые каждый бессознательно совершает с самого рождения - вдох и выдох - становились мучительно непосильными для меня по ночам. Представьте, что ваше

горло стало воздушной прбкой в спасательном круге. Или, например, что ваши легкие превратились в твердый кусок пластика и вы не можете спокойно ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Чувство нехватки кислорода напрямую связано со страхом смерти. Что, если мои бронхи полностью потеряют проходимость? Мои легкие перестанут работать, совсем как пылесос, который засосал полиэтиленовый пакет? Когда это случится, вероятнее всего, я не смогу издать даже слабый стон. Я буду отчаянно пытаться позвать на помощь, но никто этого не заметит, меня охватит ужас и я буду дрожать всем телом. Мои бесчисленые вопли и проклятия так и застрянут в моем горле, поскольку мне так и не удастся совершить последний вздох. Подобные мысли заставляли меня рыдать от ужаса.

Моя комната располагалась на приличном расстоянии от спальни родителей, в которой раньше находилась моя кровать. Я спала со своими родителями до тех пор, пока мне не исполнилось пять лет, после чего мою кровать перенесли в другую комнату. Моя мать обосновала это решение такими словами: «Здесь недалеко до ванной, что совсем неплохо для тебя». Но я не могла рассматривать это никак иначе, кроме как меры по изоляции. Наверное, они не выдержали того, что им не раз проходилось просыпаться по ночам из-за моего кашля. Не могу не признать, что в каком-то смысле понимала их.

Родители сказали мне сразу же позвать их, если что-то случится. Но во время астматических приступов я не могла докричаться до своих спящих родителей, находившихся от меня на расстоянии одной комнаты, поэтому я воспринимала этот «переезд», как смертную казнь. Кроме того, даже если предположить, что я в отчаянии смогла бы доползти до спальни родителей, они бы всё равно ничем не помогли бы мне. Я никогда не смогу привыкнуть к астме, а вот родители уже привыкли смотреть на мои приступы. Как только они узнали, что моя болезнь не слишком серьёзная, они могли покинуть меня до утра, пока мне не станет лучше, а любая моя жалоба или претензия по поводу боли пролетала мимо их ушей.

Примерно в семь лет у меня ночью случился сильный приступ, и мои родители вызвали скорую помощь. Когда я услышала звуки гудящего мотора и поняла, что направляюсь в госпиталь, я в прямом смысле смогла вздохнуть свободно. Лишь мысли о больничном запахе, капельницах и ингаляторах, уже успокаивали меня (мне нравилось находиться в больнице). И вероятно, из-за этого облегчения, не было неожиданным то, что за те тридцать минут, пока мы добирались до госпиталя, мне стало лучше. Потом когда это происходило вновь и вновь, мои родители начали полагать, что я притворяюсь. «Возможно, она просто симулирует сильный кашель, чтобы обратить на себя наше внимание».

Нет ничего удивительного в том, что астматическая атака заканчивается перед тем, как пациент прибывает в больницу. Но в то время я ещё этого не знала, к тому же тогда я не обладала достаточными знаниями, чтобы объяснить моё состояние. Сомнения моих родителей крепчали изо дня в день. Они просто смотрели на то, как неистово я кашляю, а отец говорил: «Ты преувеличиваешь свой кашель». Мать с подозрением спрашивала: «Тебе в действительности так больно?». Впоследствии, даже когда у меня были астматические атаки, они делали вид, будто не замечают этого.

Однажды, у меня не было иного выбора, кроме как вызвать скорую. В итоге, я вызвала её сама. После чего мои родители не разговаривали со мной некоторое время. Они, наконец,

заговорили со мной через неделю, и первые слова, что сорвались с их уст, были: «Ты опозорила нас» и «Ты думаешь, мы можем просто так разбрасываться деньгами?». Наверное, эти люди будут рады, если я умру, так я думала в том возрасте. Это событие ещё сильнее ударило по моей вере в то, что от людей можно ожидать что-то хорошее.

Во всяком случае, я могла лишь ждать. Время от времени я высовывала голову из своей норы и смотрела на залитые лунным светом часы, стоящие у моей кровати, и молилась, чтобы эта ночь закончилась на хоть секунду раньше. Чем мучительнее были мои страдания, тем медленнее тянулось время. Поэтому от раздражения у меня часто возникало желание сбросить покрывало и сесть обхватив себя руками. Мне нравилось лето исключительно потому, что в это время года ночи были короче.

Когда наступал рассвет, моё дыхание стабилизировалось, и я могла заснуть. Во время этого кратковременного сна я мечтала о «нём». Однако через два часа мне уже нужно было вставать и идти в школу. Самым необычным в моей болезни было то, что когда у меня не было приступов, я выглядела вполне здоровой. Я могла бы сказать родителям, что мне нездоровится и хочется немного отдохнуть, но, естественно, они бы проигнорировали меня. Они бы ни за что не поверили мне без видимых доказательств, например, высоких цифр на градуснике и сыпи на моей коже.

Благодаря этому, я практически не спала и ходила днями полусонной. Моя голова была ватной, в глазах все расплывалось, а звуки были приглушенными, будто доносились из-за стены. В покрытом туманом мире лишь мои страдания и фантазии казались реальностью.

Когда я стала старше, моё состояние начало постепенно облегчаться, а астма со временем переросла в психосоматическое расстройство. Когда внешние факторы перестали оказывать на меня столь сильное влияние, как раньше, вместо того, чтобы жить здоровой жизнью, я стала подвергаться стрессу и беспокойству. Если я сделаю что-то, что может вызвать атаку, то не смогу справиться с ней, находясь здесь. Само по себе размышление о возможности атаки и было самым большими фактором возникновения этой атаки.

Если бы тогда у меня был человек, который меня поддерживал, я могла бы избавиться от астмы намного быстрее (хотя, наверное, получить надлежащее лечение в медицинском учреждении было бы намного лучше). Тот кто бы спас меня, понял и защитил. Если бы у меня был такой человек, я уверена, количество астматических приступов из-за беспокойства значительно бы уменьшилось.

У меня не было друзей. Поскольку я лечила плеврит в шесть лет, в период с зимы до весны, то я поздно начала учиться в начальной школе. Вторая причина заключалась в том, что мне запрещали выходить на улицу. «Ты будешь доставлять проблемы другим людям», — говорили мне родители. К тому же, мне было нельзя много двигаться, так что я не могла играть с другими детьми. Я также не могла посещать большинство внеклассных мероприятий, такие как: походы, клубы или тренировки.

Но решающим фактором была моя личность. Из-за болезни я стала угодливой и начала заниматься самобичеванием. Моё тело было ошибкой природы, которая не позволяла мне жить

свободной жизнью. К тому же, я была ещё той занозой для других людей. Где бы я не была, из-за меня у других возникали неприятности. Я осознавала это. Возможно, это было правдой, но ребенок не проживший и десятилетия, не должен сталкиваться с жестокой реальностью. Призвание детей - беззаботно проживать своё детство, не забивая себе голову подобными вещами.

К сожалению, два самых близких для меня человека не только способствовали усилению моей угодливости, но и открыто поощряли эту черту. Они не говорили этого прямо, но их мысли были предельно ясны: “Ты и так доставляешь слишком много проблем окружающим. Так что будь тише воды, ниже травы”. Меня будто специально воспитали для того, чтобы я проклинала свое существование. Я всегда держала эту мысль в своей голове. Вот поэтому у меня не было даже шанса завести друзей.

У меня не было ни единого хорошего воспоминания со школы. А уж когда я ходила в начальную школу, то была поистине несчастным существом.

Тогда у меня ещё была привычка ходить, немного согнувшись, позволив рукам свободно висеть. В какой-то момент я поняла, что делаю так только потому, что в таком положении дышать становится легче. Но, похоже, моих одноклассников это веселило, и поэтому они часто дразнили меня за это. Когда я видела, как мальчики пародировали мою походку и смеялись над этим, я дала себе обещание всегда быть начеку и постараться не допустить того, чтобы они увидели мой приступ астмы. Не очень хотелось, чтобы у них появился ещё один повод дразнить меня и я осталась посмешищем до конца своих дней. Мне ни в коем случае нельзя было проявлять слабость перед другими. Поскольку чем больше меня дразнили, тем сильнее я нервничала, и тем меньше воздуха казалось в классе для меня.

Очень немногие люди знали о моей болезни и проявляли участие. Другие же были поначалу невероятно вежливыми и подстаивались под меня, но спустя какое-то время, их начинала раздражать моя чувствительная натура и то, как мое общество ограничивало их во всем, поэтому в конце-концов они от меня уставали и отдалялись. В худшем случае, они начинали меня презирать. Вот так неизбежно в итоге я оказывалась одна.

Я держала все свои эмоции в узде и, если чувствовала, что приступ уже на подходе, бросала все свои дела и отправлялась в медпункт. Неукоснительное следование этим двум правилам позволяло мне кое-как скрывать свою болезнь от одноклассников. Все мои усилия были ненапрасны до одного случая. Однажды зимой в четвертом классе у меня начался сильный приступ прямо посреди урока.

Один из мальчишек, увидев ингалятор, который я носила повсюду с собой, как талисман, сказал что-то, желая помучать меня. Это разбудило вулкан во мне. Я должна была пропустить это мимо ушей, но то, что он сказал, было слишком мерзким, поэтому я огрызнулась. Мальчишка, не ожидавший отпора, сперва растерялся, затем пришел в ярость. Высвобождая свой гнев, он выхватил мой ингалятор у меня из рук и выкинул его в окно.

Меня охватила паника. Я кинулась за ингалятором и практически сразу у меня начался самый тяжелый астматический приступ из всех, что были в моей жизни.

Тот день все ещё снится мне в кошмарах.

http://tl.rulate.ru/book/16869/559460